



Михаил Юрьевич Байдаков –

издатель альманаха «Развитие и экономика», председатель правления «Миллениум Банка», президент Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного

Сергей Николаевич Белкин –

главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»

Идет война холодная!..

- Почему же мы все время воюем с Америкой?
- А разве мы с ней воюем? Это она с нами воюет.
- Почему же она все время с нами воюет?

Война «горячая», «холодная», экономическая, информационная, сетевая, религиозная и прочая, и прочая... Война с нами, с нашим народом и государством нашего народа продолжается десятилетиями. Соединенные Штаты от нас все время чего-то требуют, стремятся переделать на иной лад, а мы то соглашаемся изменяться, то сопротивляемся – независимо от этого давление на нас не прекращается.

Профессиональные политические аналитики по-разному отвечают на вопрос о природе российско-американского конфликта. Те из них, кто склонен к поиску экономических причин, считая именно их наиболее глубинными основаниями, усматривают причину постоянного агрессивного давления на нашу страну в борьбе за природные ресурсы и рынки. Те, кто объясняет происходящее в мире исходя из так называемых геополитических факторов, видят причины устойчивой конфронтации или в полумифической борьбе «моря» и «суши», или в более приземленной – военно-стратегической – парадигме. В такой парадигме США рассматриваются как субъект, стремящийся к тотальной

мировой гегемонии, а Россия воспринимается как объект, в том или ином отношении этому препятствующий. Философский и философско-религиозный подход оценивает происходящее как вечную борьбу добра и зла, визуализируя их через ценностно-этические критерии или религиозные образы. Есть мнения, пытающиеся обосновать фундаментальные отличия русских и американцев их менталитетом, обусловленным как приобретенными, так и врожденными факторами.

Если не устремляться в онтологические глубины фундаментальных противоречий между США и Россией, между русскими и американцами, а ограничиться рассмотрением проблемы в актуальном, «рабочем» поле политической аналитики, то наиболее распространенный взгляд на причины происходящего состоит в том, что Америка продолжает следовать своей долгосрочной внешнеполитической парадигме. Суть этой парадигмы: не давать никому в мире возможности составить Америке конкуренцию в политическом, экономическом и военном пространствах. Такой подход обуславливает стремление США не допустить воз-

никновения критически сильных альянсов, таких как, например, альянс России и Европы, прежде всего — России и Германии. В этих координатах рассматривается и катастрофа, организованная США на Украине, переворот, призванный довести противоречия до противостояния.

В последнее время в связи с резким обострением отношений появилось несколько статей американских аналитиков, пытающихся «понять Россию», ставшую вдруг такой неуступчивой после полутора десятилетий податливости.

В связи с этим интересны и поучительны последние рассуждения Джорджа Фридмана, основателя и бессменного руководителя знаменитого «Стратфора» (сокращение от *Strategic Forecasting* — «Стратегическое предвидение») — частной разведывательно-аналитической компании, называемой иногда «теневым ЦРУ», посетившего Россию в декабре 2014 года. Целью его визита, как он пишет в своей статье, была попытка разобраться, каковы опасения России в отношении Америки и насколько адекватно Россия воспринимает опасения Америки в отношении ее самой. Вывод, который он делает по итогам своих наблюдений, встреч и дискуссий, не вызывает оптимизма: «Соединенным Штатам и Европе трудно понять опасения России. России особенно трудно понять опасения Америки. При этом опасения и тех и других реальны и обоснованны. И это не вопрос отсутствия взаимопонимания, но вопрос несовместимых императивов».

Вывод очень тревожный — если, конечно, он отражает реальное положение дел, а не только уровень постижения проблемы автором. Однако, учитывая то влияние, которое оказывают Фридман и его аналитический центр на поли-



Наиболее распространенный взгляд на причины происходящего состоит в том, что Америка продолжает следовать своей долгосрочной внешнеполитической парадигме. Суть этой парадигмы: не давать никому в мире возможности составить Америке конкуренцию в политическом, экономическом и военном пространствах.

тику США, возможные неточности и заблуждения в выводах лишь усугубляют реальную политику, выстраиваемую на их основе. Да и не один Фридман манифестирует именно такое содержание внешнеполитической доктрины США. Стало быть, если в основе стратегии Америки по отношению к России лежит убежденность, что «императивы» несовместимы, если при этом «американский императив» никто не собирается подвергать корректировке, остается одно: ломать «российский императив» через колено. Более того, автор рассматривает это как вполне определенное намерение, изучает «порог болевой чувствительности России» при воздействии на нее с помощью экономических

санкций. Фридман с удивлением отмечает, что у русских этот порог неожиданно высок: они готовы терпеть гораздо большие неудобства, нежели другие: «Сила русских — это способность вытерпеть то, что сломало бы другие нации». Вывод важный — и правильный, — а вот обоснование вывода удивляет своим примитивизмом: Фридман считает, что готовность русских терпеть неудобства зиждется на том, что они «всегда жили плохо», а к хорошему привыкнуть не успели. Какие-либо более высокие мотивы нашего терпения автором не рассматриваются.

Фридман отмечает еще один важный для реализации «американского императива» момент: чем более сильную

внешнюю угрозу ощущают русские, тем сильнее они поддерживают свое правительство, если даже и относятся к нему критически. Учитывая, что, по всей видимости, в актуальных задачах повестки дня 2014–2015 годов стоит пункт «устранить Путина», Фридман предупреждает: российский президент не просто популярен, а «более защищен, чем я думал».

Учитывая, что Джордж Фридман не праздный турист и даже не просто эксперт-аналитик, а разведчик, корректировщик огня по России, приехавший уточнить координаты целей, слабые места в обороне противника, стоит внимательно прочитать и остальные выводы в его статье.

Прежде всего важна его формулировка стратегии США, того самого «императива»: «Соединенные Штаты потратили последнее столетие, преследуя одну-единственную цель: избежать становления единого гегемона, способного использовать как западноевропейские технологии и капитал, так и российские природные и людские ресурсы. США вмешались в ход Первой мировой войны, дабы воспрепятствовать немецкой гегемонии, это же повторилось во Вторую мировую. Во времена холодной войны целью было не допустить гегемонии России. Стратегическая политика Соединенных Штатов была последовательной на протяжении всего века».

Формулировка важна не своей новизной — этот «американский императив» давно известен, — а тем, что Фридман и те, кто придерживается его стратегических рекомендаций, остаются именно в этой системе координат практической, реальной политики, а не одних лишь теоретических построений. С этих и только этих позиций Фридман рассматривает события на Украине и

цели США. «Если России удастся вновь утвердить свою власть на Украине, что последует после этого? — задает вопрос Фридман и тут же на него отвечает: — Россия располагает военной и политической мощью, которая могла бы начать распространяться в Европу. Исходя из этого со стороны США и по крайней мере некоторых европейских стран желание утвердить свою власть на Украине не выглядит иррациональным».

Вот и Обама недавно официально признал, что за государственным переворотом на Украине стояли Соединенные Штаты. И это признание еще раз свидетельствует не только о неизменности «американского императива», но и о его безупречной этичности с точки зрения американских политиков. Одно дело, когда бизнесмен оправдывает собственную подлость, низость и грязные намерения словами «ничего личного, это просто бизнес», и совсем другое — оправдание устами главы государства: это подтверждение несомненной этичности действий, а не объяснение их причин.

В конце января 2015 года в Комитете по делам вооруженных сил Сената США, который возглавляет «жертва вьетнамских зенитчиков» Джон Маккейн, состоялись очередные слушания по вопросам национальной политики в области безопасности. Были приглашены сразу три бывших государственных секретаря США — Мадлен Олбрайт, Джордж Шульц и Генри Киссинджер. Приверженность «американскому императиву» была подтверждена в полной мере. При этом Генри Киссинджер, всегда старающийся произвести впечатление политика, якобы учитывающего и точку зрения другой стороны, позволил себе порассуждать как бы о проблемах Аме-

рики: «Соединенные Штаты оказались в парадоксальной ситуации. С одной стороны — по любым меркам мы обладаем завидной способностью достичь наших целей и оказывать влияние на положение в мире. Но с другой стороны, если посмотреть на мир в целом, мы видим конфликты, волнения и хаос. Соединенные Штаты не сталкивались с таким сложным и разнообразным набором кризисов с момента окончания Второй мировой войны». Как только речь заходит о конкретном кризисе, созданном самими США, Киссинджер становится прямолинейным: «Россия оспаривает стратегическую ориентацию стран, некогда бывших ее сателлитами. Запад заинтересован в том, чтобы отстоять независимость и жизнеспособность этих стран. Поэтому перед нами стоит двойная задача: мы должны ответить на непосредственную угрозу, которую Россия представляет на границах с этими странами, особенно на Украине, но при этом мы должны определить контекст для роли, которую Россия может играть в международных отношениях в долгосрочном плане».

Думает о нас старина Генри — роль для нашей страны подыскивает...

Мадлен Олбрайт, пытающаяся сохранить образ фурии внешней политики Америки, дует в ту же дуду: «Мы должны помочь Украине защитить себя. Мы должны сделать это еще и потому, что люди во всем мире следят за нашей реакцией на действия страны, которая вторгается в другую и отбирает у нее кусок территории».

Джордж Шульц, госсекретарь США при Рональде Рейгане, все еще, видимо, празднующий победу над СССР, дает совет по ускорению умерщвления России: «Нам надо до-

биться, чтобы соседние с Россией страны не зависели от поставок российских нефти и газа, которые Россия использует в качестве оружия. У нас есть природный газ, и мы должны быть готовы доставлять его в Европу. В мире предостаточно нефти. Нам надо избавить эти страны от зависимости от российских энергоресурсов. Может быть, таким образом мы преподадим России урок. Вдобавок к падающим ценам на нефть она потеряет и часть рынка сбыта. Причем, может быть, навсегда».

Нет, не сбудутся мечты Джорджа Шульца! По крайней мере в том, что урок вы нам преподавать не сможете, даже если «преподать урок» значит «наказать». Вы не можете нас «наказать», потому что алчный, злобный и мстительный агрессор наносит вред, а не «наказывает» и не «учит». Чтобы «наказывать», надо иметь на это моральное право, признаваемое нами, чтобы «преподнести урок», надо учить тому, чему мы хотим научиться. А вы в своих мечтах и делах стоите в наших глазах, в наших представлениях о должном нравственно ниже самого низменного уровня.

Конечно, не все в США разделяют наиболее агрессивный вариант «американского императива», несомненно, и в политических, и в финансовых элитах США есть те, кто считает сотрудничество с Россией более продуктивным императивом, нежели стремление вынудить Россию следовать в весьма узком коридоре возможностей, оставляемом ей приверженцами санкций и давления. Голоса этих прагматиков слышны, но влияния на внешнеполитическую доктрину Америки они пока не оказывают. А тот «американский императив», в рамках которого Россию надо «реформировать» под интересы



Генри Киссинджер (на фото):

«Соединенные Штаты оказались в парадоксальной ситуации. С одной стороны – по любым меркам мы обладаем завидной способностью достичь наших целей и оказывать влияние на положение в мире. Но с другой стороны, если посмотреть на мир в целом, мы видим конфликты, волнения и хаос. Соединенные Штаты не сталкивались с таким сложным и разнообразным набором кризисов с момента окончания Второй мировой войны».

правлящей элиты США, действует давно, и перспектив отказа от него не видно.

Поэтому перед нами две возможности. Первая: согласиться с переформатированием, принять условия капитуляции, вытекающие из предлагаемого «императива», – как этого требует та часть нашего общества, которую мы в условиях холодной войны справедливо называем пятой колонной. Или принять сражение и победить, отстаивая право не только на собственный путь и модель существования, на защиту своих ценностей, своей земли и ее богатств. По сути, нам придется отстаивать право на собственные представления о добре и зле, о должном и не должном. Право на свою многовековую этическую систему.

Но чтобы принять сражение и победить, нам надо готовиться. В холодных войнах тоже есть свой ТВД и свои фронты: фронт культуры, фронт исто-

рической памяти, экономический фронт, фронт духовно-этический, фронт государственного управления. Как же у нас обстоят на этих фронтах дела? Хороши ли наши армии: армия культуры, армия истории, армия экономики, духовно-нравственное воинство, армия госаппарата?

Если смотреть непредвзято и честно, как подобает патриоту своей страны, то следует прямо признать – дела обстоят плохо. Сфера культуры пронизана нигилизмом по отношению к самой себе, к собственной полноценности и значимости. Сфера образования саморазрушается, формируя малограмотное общество безвольных потребителей. Информационное пространство коммерциализировано, приспособлено под зарабатывание денег; к тому же в нем беспрепятственно хозяйничают откровенные сторонники наших противников в холодной войне. Экономиче-



Мадлен Олбрайт (на фото):

«Мы должны помочь Украине защитить себя. Мы должны сделать это еще и потому, что люди во всем мире следят за нашей реакцией на действия страны, которая вторгается в другую и отбирает у нее кусок территории».

ская политика на протяжении десятилетий ведет страну ко все большей зависимости всех компонентов жизнедеятельности от зарубежных контрагентов, значительная часть которых составляет армию «холодного врага». Система государственного управления не способна воздействовать на жизнь страны достаточно продуктивно: она не может исполнять даже принятые ею самой решения, не говоря уж об искусстве предвидения вызовов и угроз, о мастерстве гибкой профилактической корректировки стратегии и тактики. Политическая деятельность в стране имеет имитационный характер: ни парламентские партии, ни прочие политические организации и движения не в состоянии адекватно воздействовать на систему государственно-политического устройства и его решения. Экспертно-аналитическое и научное сообщества существуют сами по себе, они отключены от влияния на выработку решений парадигмального уровня. Оживление обсуждения темы

холодной войны, заявления о «возобновлении» или «возврате» к холодной войне — всего лишь реакция на перманентные экономические войны, переходящие из одной фазы в другую, в рамках которых у кого-то возникают финансовые потери, а у кого-то — прибыли. К экономическому фронту холодной войны следует, разумеется, относиться со всей серьезностью. Сегодня наша экономическая слабость — велика, экономическая зависимость от «холодных врагов» — критична, экономическая управляемость

нашей «элитой» извне — трагична. Следует, однако, ясно понимать, что сама возможность такой управляемости возникла прежде всего потому, что «элита» уже проиграла войну в этической сфере, ценностная матрица «элиты» уже содержит в себе в качестве основных элементов, ради которых следует жить, — высокий уровень потребления, алчность, эгоизм. Поэтому надо вести речь о противоборстве в пространстве ценностей, о войне «мягких сил»: прорывая этическую броню, враг достигает всего остального в организме страны и народа.

Теперь вот мы уповаем на Путина. Наши враги тоже видят в личности президента стержень сопротивления в холодной войне и открыто стремятся к его устранению. Мировое и российское политическое пространство расколото на тех, кто за Путина, и тех, кто против. Российское общество с тревогой, а то и с недоумением смотрит на никак не разрешающиеся противоречия между заявляемыми программными целями президента и, мяг-

ко говоря, неэффективными действиями правительства. И многие очень хотят «помочь Путину». Но дело в том, что Путину невозможно помогать лично. Лично можно помочь частному лицу. А главе государства можно помогать только через политический, государственный аппарат. Существующий госаппарат устроен так, что он не может выполнять иных задач, кроме тех, ради которых он проектировался и создавался и которые, по нашему мнению, ведут страну гибельным путем. Поэтому желающие «помочь Путину» должны содействовать формированию нового политического класса, нацеленного на развитие России, должны участвовать в создании нового госаппарата — по-новому устроенного и приспособленного к решению новых задач. Да, масштаб требуемых преобразований сопоставим с революционным. Готова ли «поддерживающая Путина» часть нашей элиты на проведение таких преобразований, не входят ли результаты этих преобразований в противоречие с целями представителей элиты, ареал обитания которых выходит за границы России? И готов ли к этому Путин?

Холодная война идет, враг воюет на всех фронтах одновременно. Особенность этой войны еще и в том, что здесь невозможно дать генеральное сражение, в котором или победить, или погибнуть с честью. Холодная война непрерывна во времени и пространстве, она повсюду. Наши противники отоброшены, мотивированы, обеспечены ресурсами, скоординированы, действуют и рядом с нами, и внутри нас. Мы сегодня слабее почти по всем пунктам.

Не мы начали и не мы агрессоры в холодной войне. Наша война — оборонительная, и это звучит как якобы высокое моральное достоинство. Но так ли

это? Не разоблачать ложь и не говорить о себе правду — вовсе не норма этики. И уж определенно — не победительная стратегия. Оборонительная тактика в холодной войне — заведомо проигрышна. И даже просто контрпропаганды — которая к тому же ведется факультативно, на уровне энтузиазма частных лиц — недостаточно. Сплачивать общество в условиях войны — обязанность государства. Проводить мобилизацию, планировать и формировать ресурсное и кадровое обеспечение, разрабатывать и осуществлять на практике стратегию войны до победного конца — обязанность государства. Нужно сочетание двух видов активности — нейтрализации холодного оружия врага, направленного против нас, и воздействия собственным холодным оружием, той самой «мягкой силой», которой у нас уделено непозволительно мало внимания.

Важно также понимать, что ТВД холодной войны охватывает весь мир, и Россия — как субъект, подвергшийся влиянию, — обязана активно действовать за пределами своих формальных границ. Трагический пример Украины показывает, что политика России вообще и ее информационная политика в частности в отношении своих ближайших соседей, еще недавно живших в одном государстве и веками составлявших фундаментальную общность, была преступно беспомощной. Все сто миллионов наших соотечественников оказались после беловежского сговора под интенсивной идеологической обработкой врагов России. Подавляющее большинство этих людей годами ждали моральной и политической поддержки России, ждали голоса Москвы. Но так и не дождались... Не создано ни одного СМИ на языках бывших союзных республик, ко-



Война холодная — война народная. Каждый из нас — участник войны, и каждый — на передовой, и каждый — воюет, даже не осознавая этого. Но каждый ли знает — по какую линию фронта он сражается, на чьей он стороне воюет?

торые транслировали бы правдивый и положительный образ России и ее политических целей. И на русском языке — тоже ничего не создано. А вот инструментов, целью которых было и есть создание негативного образа нашей страны, искажение сути ее политики, — великое множество. Это не только многочисленные СМИ, но и тотальная мутация систем образования и воспитания населения в духе неприязни к России, искажение ее роли в истории этих стран и народов. Так Россия проигрывает холодную войну, и в результате уже у наших границ идет война настоящая, с тысячами убитых, с разрушенными городами, с потоками беженцев и резким ухудшением международного положения России.

Надо укреплять собственные патриотические войска, обеспечивать их идеологически-

ми ресурсами, общими целями, должной координацией. Надо нейтрализовывать диверсионные группы врага, активно действующие на нашей территории, надо обучать и готовить кадры. Надо размораживать, оживлять политическую жизнь. Надо выявлять «своих» на всех уровнях политического класса, оказывать им поддержку, мотивировать их к победе. Необходима позитивная программа государственного строительства на ясной для всех и принимаемой большинством этической платформе. На системный вызов нужен системный ответ.

...Война холодная — война народная. Каждый из нас — участник войны, и каждый — на передовой, и каждый — воюет, даже не осознавая этого. Но каждый ли знает — по какую линию фронта он сражается, на чьей он стороне воюет? 